

История науки

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Зорин. Опыт утопии</i>	7
Благодарности	12
Предисловие автора	16
1.1. Университет. Что он мыслит?	30
<i>Примерные периоды реформ в истории Университета.</i>	69
1.2. Университет. Что он может?	78
<i>Университет: социально-культурное конструирование</i>	97
<i>Социально-культурные нормы</i>	103
<i>Элиты</i>	108
<i>Поколения</i>	111
1.3. ...и чего не может?	119
2.1. Наука. Зачем это нужно?	148
2.2. Образование. Какое образование?	185
<i>К вопросу о содержании образования</i>	199
<i>Образовательные программы</i>	209
2.3. Академические свободы. Для чего?	221
<i>Свобода личного развития.</i>	227
<i>Академические свободы научных сообществ.</i>	237
<i>Академическая свобода как институт</i>	245
Заключение	252
Что почитать об Университете?	263

*Посвящается моей Лизе,
без присутствия которой во всем остальном
было бы мало смысла*

Андрей Зорин

Опыт утопии

Почти тридцать лет назад, занимаясь греческим проектом Потемкина, я обратил внимание на парадоксальное сочетание в личности светлейшего страстного визионерства и исключительной менеджерской хватки. Несколько позднее я заметил то же самое, поначалу показавшееся мне неожиданным, сочетание у такого непохожего на Потемкина человека, как Сперанский, а еще позже понял, что эти стороны личности обоих моих героев не только не вступали в конфликт, но, напротив, органично дополняли и усиливали друг друга. Действительно, настоящий визионер никогда не потеряет конечной цели в гуще административных хлопот, не позволит отвлечь себя на мелочи, не перепутает тактики со стратегией.

К тому времени, когда в конце 2000-х годов мы стали регулярно обсуждать с Сергеем Зуевым вопрос, каким должен быть университет и что нужно сделать, чтобы приблизиться к идеалу, я уже успел разобраться в этом мнимом парадоксе и все же не уставал удивляться распределению ролей в нашем диалоге. Казалось бы, я, как представитель академического мира, должен был больше думать об отвлеченных предметах, а он, как администратор, о практических заботах. В действительности дело обстояло строго наоборот. Я помню, как на совещаниях мои коллеги-ученые нередко говорили ему, что те или иные его планы реализовать невозможно, и слышали в ответ одно и то же, даже слегка жалобное восклицание: «Я разберусь, что возможно, а что нет, — вы мне скажите, чего вы хотите». Мягкие

сетования на недостаточную склонность людей науки к утопическому целеполаганию можно найти и в этой книге.

Обязанности руководителя двух больших образовательных учреждений не могли отвлечь Сергея от мыслей о самом главном — о том, зачем и во имя чего он тратит свою жизнь и здоровье на институциональное строительство. Чего эти обязанности, однако, решительно не позволяли ему делать, так это положить свои мысли на бумагу. В следственном изоляторе он, наконец, нашел, по известному анекдоту, время и место, чтобы написать книгу, которую задумал очень давно и над которой размышлял все эти годы. Сергей Зуев не первый, кто взялся обобщать свой опыт и свое видение мира в тюремной камере, но жанр его книги во многом уникален — это и философское эссе, и историческое исследование, и воспоминания, и проектный манифест. «Я надеюсь, что я не только администратор, но и проектировщик», говорит он о себе на страницах книги, отчасти подразумевая, что настоящий администратор — всегда в то же время и проектировщик.

Ключ к волновавшим его проблемам Сергей нашел в концепции утопии Карла Мангейма. По мысли Мангейма, назначение утопии в том, что она дает независимо мыслящей личности внеположную реальности точку, из которой он может эту реальность критически оценивать. Однако Мангейм говорил исключительно об интеллектуальных конструкциях. В своей книге Сергей Зуев постарался заземлить мангеймовскую утопию в пространстве исторически конкретной институции, создавая образ идеального университета, где профессора не вкладывают в головы студентов готовое знание, но приобщают их к самому процессу исследования, а студенты подвергают этот процесс сомнению и проверке, исходя из интересов и потребностей нового поколения. Такая межпоколенческая коммуникация выполняет роль встроенного механизма воспроизводства критического мышления, которое, по Мангейму, лежит в основе утопического видения. Существование «республики ученых», продолжающих непрерывный разговор о науке, делает университет свободным от сиюминутной конъюнктуры, в то время как

постоянная смена уходящих «в мир» студентов не позволяет ему превратиться в башню из слоновой кости, наглухо отгороженную от социальной реальности.

Идеал университета, о котором пишет Зуев, по-видимому, никогда не был реализован в полной мере, однако его контуры можно увидеть в моменты глубинных реформ. Реформа выдает неудовлетворенность реформаторов текущим состоянием университетов, представляя собой своего рода критику этого состояния с позиции чаемого и должного. Как известно, по Аристотелю, именно нематериальная форма составляет сущность вещи. (Ре)форма, как любит писать это слово Зуев, снимая временное и наносное, обнажает сущность университета как феномена культуры, сохраняющего свой институциональный ДНК на протяжении тысячелетия. При этом на каждом крупном историческом витке университет оказывается способен к самообновлению, предъявляя картину мира и антропологический идеал, соответствующий эпохе, а во многом и определяющий эту эпоху.

По страницам книги проходят тени великих теоретиков и практиков образования и науки — Фома Аквинский и Альберт Великий, Лютер и Меланхтон, Лейбниц и Вольф, Дьюи и Хабермас. Но центральное место в этом пантеоне занимает Вильгельм фон Гумбольдт, сформулировавший с опорой на немецкую классическую философию конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века идею исследовательского университета и создавший Берлинский университет, призванный стать воплощением его замысла. Согласно исторической концепции Зуева, в Гумбольдтовском университете, как в фокусе, сходятся различные линии предшествующей многовековой истории университетов, и отсюда расходятся векторы их дальнейшего развития, вплоть до сегодняшнего дня.

Существенно, однако, что эта книга принадлежит не только и даже не столько историку и теоретику, сколько практику университетского строительства. Университет, которым пришлось руководить автору книги, сам по себе был утопическим проектом, созданным в середине 1990-х годов, эпоху великих надежд, Теодором Шаниным, который, подобно библейскому Аврааму,

уже очень немолодым человеком услышал голос и отправился в далекую страну закладывать там основы ее великой будущности. Почти сразу его детище намертво связалось в сознании университетского сообщества с именем создателя—я много раз наблюдал, как при упоминании Московской высшей школы социально-экономических наук на лицах моих собеседников возникало недоумение, моментально рассеивавшееся после пояснения, что речь идет о Шанинке. Сергей Зуев, уже имевший незаурядный опыт социально-культурного проектирования, быстро вписался в команду Шанина и занял в ней одно из центральных мест, запустив первый в России факультет культурного менеджмента и, по сути дела, создав новую профессию.

Когда в 2011 году Сергей стал ректором Шанинки, она после отхода Теодора от дел оказалась в кризисе. Хорошо известно, что институциональные проекты в России почти никогда не переживают отцов-основателей—на долю Зуева выпала задача опровергнуть это правило или по меньшей мере стать значимым исключением из него. Он взялся за ее решение, ясно понимая, что он обязан предложить свой собственный утопический проект, который наследовал бы идеям Шанина, но соответствовал бы потребностям резко изменившегося времени. Речь, по сути дела, шла о (ре)форме. В отличие от Гумбольдта, Зуев не был министром и вынужден был считаться с бесчисленными ограничениями, тем не менее его работе на посту ректора сопутствовал поистине феноменальный успех, свидетельствовавший о точности и адекватности его видения. А дальше, как принято выражаться в юридических документах, наступили «обстоятельства непреодолимой силы».

В сегодняшнем мире статус университетов остается неясным, а будущее туманным. «Республика ученых» повсюду находится под все возрастающим давлением государственной бюрократии и образовательного менеджмента, впадающего в предпринимательский азарт. К тому же университетам приходится конкурировать с популярными программами онлайн-образования и, что хуже всего, многие граждане этой республики сами с энтузиазмом встают под знамена новых идеологических ортодоксий,

непримиримых к критическому мышлению и духу свободного исследования. Все чаще можно слышать пророчества, что более чем тысячелетняя история университетов подходит к своему концу. Как всегда, в России все процессы протекают куда более драматично и наглядно. Многие из тех, кто начинал с Теодором Шаниным или продолжал его дело, сегодня, как и подобает наследникам Авраама, оказались в рассеянии.

Сергей Зуев сделал для осуществления университетской утопии больше, чем было в человеческих силах. Оторванный от дела своей жизни, он в тяжелейших условиях сумел поделиться с нами своим личным опытом утопии. Теперь мы все ждем его возвращения на капитанский мостик. Наша задача — удерживать корабль на плаву.

Благодарности

С любовью и искренним восхищением моим друзьям и сокурсникам, дружбе с которыми в 2023 году будет 50 лет и чьи советы и письма были неоценимы во время этой работы:

Андрею Зорину, который затратил множество трудов, времени и дружеского внимания, чтобы перевести мою устную культуру в академически приемлемые рамки, и ни словом, ни намеком не дал мне понять, каких усилий ему это стоило; и вместе с Ирой просто был рядом;

Ляле Костюкович, замечательному эрудиту и талантливой переводчице, чьи письма-эссе о столпе Фоме и учителе его Альберте, бойце Абеляре и романтике Дж. Бруно, иезуитах и протестантах указывали мне на ограниченность собственного знания и вели по новым сюжетам, лишь малую часть которых я успел и сумел использовать;

Юрию Слёзкину, чьи скептические замечания о присутствии критического мышления в современном университете только лишь подчеркивали наличие одного у университетского профессора, работавшего и учившего в лучших университетах мира;

Ирине Прохоровой, чья дружеская, организационная и иная помощь и поддержка возвращали меня и всех нас во времена, которые все мы считаем лучшими годами нашей жизни;

Лене Орловской и Вере Мильчиной, чьи цитаты из Вяземского, Пушкина, Тургенева и Вериной бабушки не давали забывать об ироническом мужестве людей в их различных исторических обстоятельствах.

Моя глубочайшая благодарность:

Николаю Гринцеру за его душевную и интеллектуальную щедрость, которой я смог воспользоваться лишь в небольшой

мере, что оставляет надежду на продолжение нашего долгого разговора;

Петру Щедровицкому, моему давнему другу, хорошо понимающему разницу между мыслью, эмоцией и сочувствием, но щедро делившемуся со мной и первым, и вторым, и третьим, невзирая на разделяющие их границы;

Марии Фаликман, талантливому исследователю-психологу и — неожиданно для меня — замечательному поэтическому переводчику;

Павлу Мрдуляшу, поддержавшему меня и делом, и книгой, и дружеским советом.

Моя искренняя человеческая признательность людям, которые каждый по-своему помогали и поддерживали меня в это непростое время:

Егору Соколову, моему добровольному помощнику, первому читателю, незаменимому комментатору и, конечно же, истинному шанинцу;

Тимуру Курбанову и Софье Сорокиной, тоже шанинцам, за книги, добрые слова и постоянную поддержку;

Марине Васиной, чье благожелательное присутствие и сочувствие помогли мне начать и закончить эту работу;

Шамилю Кадиеву, который был рядом в самый трудный период этой работы;

моей дочери Даше, которая делилась со мной не только своей бескомпромиссностью и силой духа, но и историческим анализом понятия картины мира;

Руслану Кожуре, Дмитрию Кравченко и Сергею Севруку, моим защитникам и постоянным собеседникам, без которых было бы сложно закончить эту работу.

Поклон и благодарность тем, кто бескорыстно и внимательно занимался бесчисленным множеством технических и организационных проблем:

Кате Гандрабуре, нашей милой шанинке, доброму, умному и теплому другу, которая с бесконечным терпением и вниманием к деталям выстраивала и выстроила мой быт, насколько это было возможно в этих условиях;

Нине Русановой, нашему почтовому Меркурию и доброму человеку;

Олесе Граф и Анне Крыловой за терпеливую расшифровку моих рукописных опусов;

Александрю Артамонову за помощь с фотоархивом;

Екатерине Павленко, шанинке, кропотливо сверявшей цитаты в московских библиотеках.

Всем моим друзьям и знакомым, коллегам и студентам из Шанинки и не только, незнакомым до сей поры людям, перечисление которых заняло бы не одну страницу, — вам всем, подерживавшим меня, дарившим своими письмами, пожеланиями и теплом на протяжении последних месяцев.

Моя отдельная благодарность и глубокое уважение людям, которые могут и не знать об этом тексте, но чье присутствие я ощущал, работая над ним:

Теодору Шанину, с которого все началось и, надеюсь, продолжится;

Наталии Дмитриевне Солженицыной за ее мудрость, добрые советы и человеческую поддержку моей семьи;

Максиму Акимову, другу и коллеге, чья негромкая, но умная и очень последовательная помощь Шанинке и всем шанинцам сделала возможным размышление о нашем Университете в будущем времени;

Татьяне Николаевне Москальковой и ее сотрудникам, для которых буква и дух сочувствия являют собой единое целое.

И конечно, моим родителям, Вере Кузьминичне Ефремовой и Эдуарду Николаевичу Зуеву, которые в своем сверхпочтенном возрасте делают самое главное — они верят, и они ждут.

Между искусством <...> и собственно наукой есть пространство для особого типа умственной деятельности. Так, вместо того чтобы воздействовать на вещи и существа, следуя определенным способам, мы размышляем о приемах воздействия. Подобные рассуждения используются не для того, чтобы их узнать и объяснить, а для того, чтобы оценить их значимость и установить, такие ли они, какими должны быть, и нужно ли их изменять или их нужно полностью заменить новыми. <...> Это комбинация идей, но не действий, и тем самым они приближаются к науке. Но идеи, скомбинированные таким образом, имеют целью выразить не природу данных вещей, но направить деятельность. <...> Они не являются действиями, но очень близки к действиям, которые они призваны ориентировать. Если это и не действия, то, по крайней мере, программа действия, и в силу этого они приближаются к искусству.

Эмиль Дюркгейм

—А почему бы, в конце концов, и нет?

—А потому, что мне не хочется, — сказал Эдик. — У природы свои цели, а у меня свои.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Предисловие автора

Эта книга про Шанинку. С этого, я думаю, следует начать, чтобы сразу ответить моим друзьям, которые были рядом со мной, когда я писал эти эссе. Без друзей у меня ничего бы не получилось или получилось бы совсем не то. Именно поэтому я начинаю с этой фразы, отвечая на постоянно задаваемый мне вопрос, будет ли здесь что-то про мой личный опыт ректора, про историю возникновения тех или иных программ, про то, как и чем жила Школа последние десять-пятнадцать лет. Отвечаю, друзья мои, книга точно про Шанинку и про опыт. Но только особым образом — не в формате автобиографии и личного воспоминания, а чуть по-другому.

Во-первых, это коллективное воспоминание, поскольку среди моих невидимых соавторов много коллег по Школе, в разговорах с которыми постоянно всплывали темы и сюжеты, возникающие в этом тексте. Университет и его онтология, критическое мышление и утопическое воображение, свободные искусства и идеология, образовательная программа и исследовательский проект — это точки воспоминаний конкретных людей, их суждений и реализованных или, чаще, нереализованных планов. И в этом смысле мой личный опыт проявился в этой книге не столько в последовательности событий или конкретных примерах из моей административной практики, сколько в актуальной памяти, удерживающей на поверхности то, что оказывается существенно важным.

Не следует смотреть на эту книгу как на законченную форму; это в действительности собрание эссе на различные темы, объединенных одной идеей Университета. Каждое эссе, а также

многие из параграфов имеют, как правило, своих соавторов. Я могу назвать их имена и приблизительные даты, когда оживала та или иная тема или был доформулирован тот или иной вопрос. Я мог бы привести их особым шрифтом на полях, а может быть, когда-то так и сделаю. Но суть в том, что я просто продолжаю незавершенные разговоры и рассчитываю на встречный интерес моих собеседников. Такой — письменный — формат, в конце концов, тоже пригоден и уместен и может дополнить жанр прямой и живой устной коммуникации.

Природа этого длящегося разговора определяет в известной степени и структуру, и дизайн текста — зачастую дискретного и оставляющего массу открытых вопросов. Разговор требует продолжения. И, следовательно, здесь возможны и повторяющиеся аргументы, и обращение к тем же самым примерам. Это, как я надеюсь, живая коммуникация.

Во-вторых, определить жанр этих эссе можно было бы как «предпроектный». Это не историческое исследование, не философский трактат, не социологический анализ, каждый из которых имеет свою органическую форму и язык. А я все-таки не только администратор, но и (надеюсь) проектировщик. И некоторое время, даже не отдавая в этом себе отчета, я двигался именно в этой логике, когда рассуждение и понимание не просто «ищут истину», но и отвечают на вопрос «а что я с этим буду делать?». Иными словами, это не «истина вообще», а плюс к тому (или минус?) и конструктивный материал будущего обустройства жизни: идеи, исторические аналогии, предварительные решения и даже мифы и легенды. Это строительный материал не только для меня лично, но и для собеседников того «невидимого колледжа», который и оказался главным результатом моего личного опыта пребывания на административном посту.

Собственно, в этом и есть, с моей точки зрения, основная задача администратора — формирование списка общезначимых тем и вопросов и создание пространства для непрерывной и непредзаданной коммуникации, абсолютно безумных и дурацких (утопичных) идей, проектных заготовок, клуба, семинара, салона

и в конечном счете кабинета психотерапии. По сути, это и есть ответ на вопрос, чем я занимался последние пятнадцать лет, — мы расширяли для себя жизненное пространство, зону интеллектуального, эмоционального и социально-коммуникативного комфорта. Даже уюта, если иметь в виду субъективную составляющую комфорта. Мы делали команды, и мы делали Университет как модель среды, в которой хочется не только работать, но и жить.

Ну и конечно, Университет для нас, для меня, во всяком случае, историчен. Не отказываться же от своей истории. А если не отказываться, то надо делать ее частью истории большой. Мои друзья-консультанты, блестящие по самым высоким меркамистики, филологи, социологи, с полным на то основанием могли бы мне указать на мою субъективность и пристрастность, на принципиальную конечность личного опыта, недостаточного для разворачивания «объективных картин» критикуемого настоящего и желательного будущего. И я бы, пожалуй, с этим согласился.

Но тем самым снял бы с себя упрек в том, что это не про меня и не про нас. Все, что было сказано, а более того, что осталось несказанным, все, что казалось очевидным, что пре бывало в нашем культурном бессознательном, все, о чем удалось договориться, а что осталось в зоне несогласия и даже конфликта, — все это в совокупности формирует портрет, язык (по необходимости эклектичный) и понимание более жесткое и точное, чем позволяет сделать автобиография или хронологическое описание произошедшего.

Иными словами, этот жанр означает не попытку выстроить свою «объективную» и непротиворечивую историю Университета, а ровно наоборот — попытку наметить пространство своего Университета (с артиклем the), но собранного из материала исторических подсказок и их интерпретаций. Важно то, что по мере разворачивания «назад и вглубь» всплывают точки узнавания и идентификации («именно об этом мы и говорили!»). Из этой мозаики и собирается портрет и дизайн проекта, целое Университета.

История вообще и история Университета в частности — лукава. То, что присутствует в актуальной памяти, в осознанном

виде — лишь часть ее. Есть еще и традиция, которая тащит на себе и за собой много «ненужного» — в виде ритуалов, коллективных привычек и само собой разумеющихся паттернов поведения. Это своего рода знаки, за которыми в «свернутом» виде сохраняются не востребованные на каком-то этапе решения, идеи, гипотезы, а также альтернативы, которые не случились. Скрытое воспоминание может оживать на новом витке и на новом месте.

Это верно для тридцатилетней Шанинки. И уж тем более это верно для тысячелетней университетской традиции, которая исторична в том смысле, что прочно забытое или вообще не случившееся может стать ресурсом дня сегодняшнего. Диспут Абеляра, «предуниверситет» Якова Штурма, номинализм Уильяма Оккама, риторические упражнения иезуитских колледжей всплывают в неожиданном контексте и модальности, становятся устойчивыми элементами различных поколений Университета. А многое (пока) остается за скобками сознательного воспоминания и рефлексии, в зоне бессознательного. Но эти знаки традиции, это культурное бессознательное управляют нами значительно более эффективно, чем видимые и осознаваемые правила и нормы. Что, впрочем, естественно: то, что видишь, и обойти проще.

Я, скажем, только сейчас начал понимать, почему Теодор на протяжении многих лет традиционно приходил читать свежую периодику в библиотеку, хотя с большим комфортом мог бы проделывать то же самое у себя в кабинете. Это тоже был знак: библиотека не просто хранилище книг и даже не просто рабочее пространство — это место для жизни, центр Университета, где каждый вошедший мог с ним переговорить, да и просто поболтать. А впоследствии уже на новом месте и в иных обстоятельствах мне чуть ли не еженедельно приходилось разрешать конфликт между теми, для кого библиотека была исключительно местом для занятий, любителями непредзаданной коммуникации и участниками многочисленных публичных событий, которые там проходили. И, кстати, каждая из трех сторон опирается на свое представление об «истинном Университете».

Университет не только живет в окружении традиции, он еще и традиционно избыточен (Клэй Ширки называет это «когнитивной избыточностью», *cognitive surplus*). И в филогенезе институции, и в онтогенезе института. Это дает ему большое адаптационное преимущество при смене социально-экономических и даже культурных парадигм. Но это же качество, замечу с грустью, серьезно затрудняет жизнь конкретного университета. Он избыточен по квалификации своей профессуры, которая (в идеале, конечно) ведет свои исследовательские проекты, превышающие, как правило, запросы обучающихся программ. Избыточен по образовательному содержанию — почти в любой программе всегда есть элективные курсы и индивидуальные траектории обучения, которые подчас, особенно на младших курсах, отражаются в вопросе «а зачем мне это надо?». (В Шанинке за последние три года скопился пакет из готовых к запуску полноценных программ, которые, с учетом возможностей инфраструктуры, растянуты на перспективу в пять-шесть лет.) Избыточен и выпускной диплом, поскольку современный Университет не может позволить себе не быть международным, а в современных условиях это, как правило, означает и наличие двойных дипломов, и международную мобильность¹, чем можно пренебречь в иных неуниверситетских институциях. Все это, естественно, означает и избыточные требования к организационной структуре.

Но главное, с чем мне пришлось иметь дело, это обратная сторона избыточности — конфликт с экономической рациональностью. Собственно, и сам термин «избыточность» возникает на этом фоне — в других исторических обстоятельствах она, напротив, представляет собой стандарт, а не отклонение от него. Но применяемый в большинстве сегодняшних ситуаций административно-количественный подход (принятый

¹ Стартовой идеей Теодора было создание образовательного партнерства с участием четырех университетов — самой Школы и по одному участнику из Великобритании, Франции и Германии. На это было получено согласие и обещание поддержки от Министерства образования в начале 1990-х. В результате административного торможения остался только Манчестерский университет. Но стремление создать международный академический хаб в Москве осталось традицией Школы.

в последнее время «стандарт совершенства», excellence) предполагает «оптимизацию издержек», «повышение качества» (во всей неопределенности этого термина) и «максимализацию прибыли». Дело даже не в самих этих показателях, на основе которых выстраивается критериальная база оценки образовательной и исследовательской деятельности. Дело в отсутствии других.

В любом случае «объем ресурсов на единицу человеческого капитала» — плохой язык для Университета. И дело даже не в поверхностной логике всеобщей унификации — в конце концов, «уровень потребления» каждого студента или магистранта определяется в большей степени не «дающим», а самим «потребляющим». Суть в том, что само понятие ресурса редуцируется до финансового и в лучшем случае инфраструктурного обеспечения. Но как быть со свободной («непредзаданной», по выражению Гумбольдта) коммуникацией, когда пятиминутное общение со своим профессором в коридоре дает больше, чем двухчасовое занятие (это из реального разговора с магистрантами)? Ввести шкалу профессорского присутствия в местах рекреации? Можно ли количественно оценить «безразмерный» тьюториал? Что делать с точки зрения оптимизации с двойной проверкой эссе (double marking), назначение которой повысить объективность оценки и отзыва на эссе? Что делать с этим ресурсом времени и благожелательного внимания? Как в конечном счете может быть оценена и сама благожелательность?

Я бы вообще рискнул предположить, что то, что я называю «избыточностью», и есть основной источник производства общественного блага — в отличие от количественного стандарта, производящего благо частное. (За стандарт услуг ведь надо платить, и он вполне поддается в этом смысле количественной оценке. А вот благожелательность и творческая атмосфера — с ними все наоборот.) Избыточность Университета в этом отношении похожа на культуру экологичного природопользования: общественное благо возникает поверх, сбоку, а иногда и вопреки экономической рациональности.

Университет не только традиционен и избыточен, он еще и онтологичен, то есть сам по себе представляет картину мира.

Это исторически базовый (если не единственный в своем роде) институт критического мышления в европейской традиции. Это своего рода лаборатория воспроизводства критической этики и связанных с ней утопических идеалов. Суть в том, что Университет постоянно порождает критические альтернативы по отношению к самому себе, своим осуществленным версиям, производя тем самым свое «творческое разрушение». Начиная с момента своего (зафиксированного) возникновения в XI веке мы знаем оппозиции «истины-рации» и «истины-откровения», реалистов и номиналистов, протестантских и иезуитских университетов, университетов Просвещения и немецких романтиков, научного исследования и образования, универсализации знания и универсализации доступа к знанию и т. д. Отдельные составляющие этих и других оппозиций могли осуществляться и доминировать в различных «университетских регионах» (могли, кстати, и не доходить до стадии реализации, но не становились от этого менее объективно значимыми), сохраняя тем самым критическую дистанцию и «энергию отказа» по отношению к своему антиподу¹. Каркас онтологии, таким образом, вырастает из сохраняющихся предельных альтернатив, смысл которых — в поддержке критического взгляда на свои собственные исторические версии.

Вопрос этот обсуждался постоянно, но в более, так сказать, практическом залоге, применительно к реалиям Шанинки. Так, скажем, вполне рутинный вопрос о количественных показателях приема постоянно упирался в вечную тему доступности и качества². Постоянно расширяющийся прием, на чем, вполне естественно, настаивал финансовый блок, или сохранение стандарта качества, связанного с «камерной» коммуникацией между

¹ Оппозиция «исследование — образование» была использована в Берлинском проекте В. Гумбольдта в рамках понятия *Bildung*. Если *исследование* производит «творимое» знание, то *образование* подвергает его критическому анализу и «творческому разрушению».

² Речь в данном случае идет о нашем бакалавриате, который был запущен в 2016 году и с самого начала демонстрировал очень высокий входной уровень абитуриентов. По этому показателю «маленькая» Шанинка неизменно находится в первой пятёрке российских вузов — как для бюджетных, так и для договорных мест.

небольшими студенческими группами и немногочисленными преподавателями, способными работать в «шанинском дизайне». Расширение доступа (увеличение общественного блага) или селективный отбор. Эгалитарная или элитарная модель, в конце концов. И все это, заметим, на фоне постоянного финансового дефицита и недостаточности инфраструктуры.

Или не менее «вечный» вопрос публичного и частного. С момента, когда теология перестала быть замыкающим элементом университетской картины мира (конец XVIII—начало XIX века), пространство и время преподавателя распалось на эти две части¹. Религиозные убеждения и, следовательно, теология сместились в зону приватного, тогда как публичная университетская корпорация сохранила за собой только исследовательские и педагогические функции. Но где на самом деле проходит эта граница в каждом конкретном случае? Когда преподаватель в своем публичном облике представляет Университет, а когда самого себя? Кому принадлежит публичное критическое суждение в пределах экспертной компетенции, не говоря уже о выражении гражданской позиции?

Это опять возвращает нас к выбору модели, к идее микрокосма и «своей» версии Университета. И я благодарен своим собеседникам, которые были готовы обсуждать эти и другие вопросы не как сугубо административные или финансовые, а как серию развилок по выстраиванию своей модели в рамках общей онтологии Университета. Это важно, поскольку корректирует оптику взгляда на историю Университета, его различные варианты, заставляет искать соответствующие аналогии и понимать их ситуативные и долгосрочные последствия. Это в конечном счете формирует нашу среду, наше послание *urbi et orbi*.

И наконец, еще одно средоточие нашей общественной дискуссии — это человекосоразмерность или качество той среды, в которой вообще возможно подобного рода заинтересованное обсуждение — как с преподавателями, так и с нашими

¹ В Германии это начало происходить раньше — как следствие Реформации и «переподчинения» университетов светским властям. В Оксфорде и Кембридже — позже, во второй половине XIX века.

коллегами — студентами. Здесь я позволю себе вместо описания «издалека» привести фрагмент письма студентки-первокурсницы, которое я получил совсем недавно (разрешение на его публикацию мной получено).

Это рассказ о Дне открытых дверей факультета Свободных искусств (Liberal Arts Studies, LAS), который провели сами студенты.

«...мы решили, что основной идеей ДОДа будет показать факультет с разных сторон. Идея пригласить кого-то из наших родителей пришла внезапно, но оказалась одной из самых успешных. В Москву приехала моя мама из Стерлитамака. Я провела ей экскурсию по кампусу, познакомила с коллегами <...> По ее словам, она и раньше была уверена и спокойна на счет Шанинки, потому что знала, что мне, ее дочери, здесь очень хорошо, но погрузившись в атмосферу, она поняла, почему я влюблена в это место и в этих людей. Ее монолог перед родителями никого не оставил равнодушным. [Некоторые] люди плакали. В заключение, отвечая на вопрос „Что для вас факультет LAS в Шанинке?“, она сказала: „Это место, где сбываются мечты моей дочери“ <...> Мы понимали, что формат наших семинаров необычен и очень интересен, и решили, что будет замечательно продемонстрировать его студентам (конечно, имеются в виду абитуриенты. — С. З.), дать им шанс <...> поработать так, как это делаем мы <...> родители остались в библиотеке для беседы <...> На занятии абитуриенты попробовали написать свободные письма (микроэссе. — С. З.) и обсудить их. Для основного разбора мы выбрали „Пещеру“ (отрывок из «Государства». — С. З.) Платона. Это текст, с которым мы сами работали не раз, поэтому не возникло сложностей построить диалог <...> ребята были на удивление активными, они высказывали свое мнение и иногда комментировали суждения других ребят. В перерыве мы устроили небольшое чаепитие (все угостились, не осталось и конфетки). <...> Знаете, я смотрела на своих коллег, и у них горели глаза. Думаю, я тоже сияла, ведь мы рассказывали о том, что искренне любим. Но больше всего мне понравилось, что после того, как мероприятие было официально окончено, гости не ушли <...> Мы продолжали пить

чай, беседовать <...> В очередной раз я убедилась, что в Шанинке нет ничего невозможного <...> Жизнь в Шанинке течет, мы продолжаем трудиться, влюбляться в знания и передавать эту любовь другим <...> Мы с Вами, я с Вами <...> Спасибо».

Остается надеяться, что чая у нас хватит. Остальное приложится...

* * *

Структура этой книги и тематическое содержание составляющих ее эссе не соответствует напрямую тем точкам обсуждения и дискуссии, которые я попытался обозначить выше. Это, скорее, попытка выстроить ортогональную сетку — как продолжение осмысления и собственного опыта мышления и конкретных действий, и позиционирования в отношении вновь возникающих развилки и выборов. Это к тому же дополнительная возможность прояснить для себя «новое» бытие «старых» (традиционных) понятий, являющихся краеугольными элементами Университета и его истории. Потому не следует, видимо, рассматривать эти эссе как единое и непротиворечивое целое. Оно только строится, и далеко не все развилки пройдены, не все возможности сопряжены между собой. Это движение с разных сторон и от разных проблемных вопросов. И, следовательно, на этом рабочем столе вполне возможны и внутренние противоречия, и повторы, и обращение к одним и тем же примерам для подтверждения разных мыслей.

Но, повторюсь, эта работа занимает меня не столько как историка идей или философа, заинтересованного в «незаинтересованном поиске истины», в большей степени я ищу точки пересечения, узнавания и расширения своего субъективного опыта. Насколько это эвристично — судить не мне, да и не сейчас. Но в любом случае, как говаривал один мой хороший знакомый, игра не может кончиться ничем.

Первое эссе про Университет — о том, что он «мыслит». В этом предварительном очерке фактически решаются две задачи. Первая — выйти из бытового употребления слова «университет» и обозначить — в первом приближении — его место

на социальной карте высшего образования. Нет сомнений, что идущая на наших глазах диверсификация сферы высшего профессионального образования делает постановку этого вопроса не только познавательным, но и вполне практикоориентированным действием. Вторая задача — это формулировка базовой гипотезы об идеальной картине мира как сущностном и типологическом признаке Университета — исторически самостоятельном феномене вне зависимости от места и времени его реализации. Картина мира, воплощенная в исторических университетах, несомненно, сменяема, но она также представляет собой условие существования этого института как такового. Университет — по собственному понятию — мыслит и представляет себя как целое, микрокосм — будь то средневековый «космополитизм наций», набор факультетов Вольфа, «собирающая» способность разума и (научной) культуры Гумбольдта или «коммуникативная рациональность» Юргена Хабермаса. В этом еще одна проекция его онтологического статуса.

Второе эссе о том, «что может (и хочет)» Университет. Картина мира — и в этом основной мотив этой части — имеет не только идеальный, но и утопический и, значит, критический характер. Утопия при этом трактуется в категориях Карла Мангейма, который различает «абсолютную» и «относительную» утопии, признавая за последней принципиальную возможность реализации в социальном материале. Тем самым Университет выстраивает свою систему отношений в категориальных парах «идеальное — социальное», «должное — реальное», обосновывая свою картину разума и мира. Критический этос Университета берет свое основание, как кажется, в этом типе утопической связи мышления и возможного действия, идеального и социального. Каналами (форматами) инфильтрации в социальное являются не только очевидные практики образования и исследования, но и иные социально-культурные продукты «университетской фабрики мысли»: культурные нормы, элиты, поколения, идеальные представления о человеке (антропоидеалы).

Третья часть — это попытка выстроить систему аргументации, связанную с ограничениями социальных ролей, которые

принимает (или не принимает) на себя Университет. Ограничения эти не носят императивного характера, но скорее очерчивают границы рисков, вследствие которых Университет теряет свою историческую и институциональную идентичность (результатом чего, как правило, становится очередной кризис). Очень предварительная гипотеза состоит в том, что в периоды пика своих возможностей Университет «затапливает» все доступное ему пространство «социального спроса», начинает замещать функции других учебных, экспертных и интеллектуальных институций, превращается, по сути, в инструмент социально-экономического воспроизводства. Тем самым он теряет свою утопическую и критическую миссию и, следовательно, свою роль источника общественного блага (в той мере, конечно, в какой способность критического суждения может трактоваться как безусловное общественное благо). Внешним и очевидным признаком такого кризиса является утеря языка (выхолощенность публичного дискурса), в котором и общественное благо, и сам Университет могут быть описаны и предъявлены в публичном пространстве. Это устойчивая и воспроизводящаяся проблема Университета («делка Фауста», как ее характеризуют некоторые исследователи применительно к ситуации второй половины XX века), разрывающая его идеальную и социальную проекции.

Четвертое эссе, несмотря на название, не столько про науку, сколько про ее роль в Университете Нового времени. Мое базовое предположение строится на том, что «наука», на которую ориентировался Гумбольдт в своем проекте, представляла собой феномен, крайне отличный от сегодняшнего времени. За относительно редкими исключениями научное мышление до конца XIX века существовало отдельно от прагматических и социальных задач и вовсе не было призвано служить задачам технического прогресса. В этом смысле метафоры «чистой науки», «храма науки», «служения объективной истине» вполне соответствовали ее реальному положению и статусу. Именно это давало возможность основателям Берлинского университета рассматривать «культуру науки», поиск научной истины как условие критической рефлексии («уединения и свободы»),

как формулирует это Гумбольдт) по отношению к прагматике и несовершенству социального хаоса. Эта трактовка и науки, и ее культуры позволила авторам проекта продолжить традицию Университета (в этой исторической версии) как микрокосма и утопической модели преобразования внешнего мира.

Очевидный вопрос сегодняшнего дня, что и как может рассматриваться в качестве аналога такого «пространства уединения» — в той мере, в какой современная наука изменилась качественно и стала одним из главных рычагов социально-экономического воспроизводства.

В качестве возможной версии ответа рассматривается метод гуманитарного исследования (гуманитарного знания), который по своей природе и историческому родству с Университетом содержит в себе обязательный элемент критического суждения (критической этики). Именно этот метод (воспроизведенный на философском факультете) стал предпосылкой универсализации знания в немецком университете XIX века, и он же объясняет роль гуманитарных дисциплин во многих версиях национальных университетов на протяжении большей части века двадцатого. Однако нынешняя ситуация гуманитарного кризиса и «дисциплинарного разбегания» в гуманитарной сфере делает эту проблему предметом сознательной рефлексии, в том числе и в более широкой перспективе присутствия гуманитарного знания и гуманитарных технологий в современной социальной практике.

Пятое эссе — про образовательные единицы — наиболее близко подходит к проектной логике, к зоне рабочих намерений. Принципы, сформулированные на предыдущих шагах, рассматриваются как структурообразующие для современной образовательной практики Университета. Так, в частности, идущая в последнее время дискуссия о содержании университетского образования отражает — на синхронном срезе — версии (картины мира), относящиеся к различным периодам университетской истории. Дисциплинарная парадигма, восходящая к целостной картине университетских факультетов Х. Вольфа; компетентностная модель, собирающая идеи «воспитания ума», социального капитала и свободных искусств В. Гумбольдта и Дж. Ньюмена;

пространственная навигация по энциклопедически организованным группам знаний, наследующая университетским идеям французского Просвещения. Образовательные программы, в свою очередь, способны опираться на комбинацию этих подходов и выстраиваться оптимальным образом, необходимым для практической реализации гуманитарного метода. (Речь, конечно, идет исключительно о целеполагании, но это связано с проектным характером этого эссе.) Его типологическими признаками в образовательном материале являются меж- и метадисциплинарность как продолжение принципа универсализации знания; ориентация на личное развитие студента (принцип «уединения» и академической свободы как свободы выбора); использование метода гуманитарного знания (гуманитаризация) как условия воспроизводства критического мышления.

Заключительное и в определенной степени результирующее, шестое эссе — об академической свободе. Этот «институт в институте» сомасштабен Университету и является, по сути, зеркалом процессов и трансформаций, происходящих с университетским целым. Само наполнение понятия академических свобод меняется с наступлением Нового времени, сдвигаясь от экстерриториальности и ее правового обеспечения в направлении создания условий корпоративной нормы критического суждения. В качестве таковых условий в «прототипическом» Берлинском проекте был открыто декларирован принцип свободы учения (*Lehrnfreiheit*) и свободы обучения (*Lehrfreiheit*). Свобода личного развития, свобода (корпоративного) критического суждения и интеллектуальная автономность, продолжающая историческую традицию воспроизводства мышления, задают в своей совокупности и взаимодействии современный объем понятия.

Критическое мышление с точки зрения этой институциональной логики является легитимацией Университета как в исторической перспективе, так и в современных его инкарнациях.